

нужно сделать! // Оружейник (говорит): Многое увидеть и многое сделать! Сколькo, как никогда не бывало, галисийцев, кастильцев, отступников, которые всем завладели... Чужаки – господа нашего королевства... королевства и королевы! А для нас – податей избыток»¹³.

Такой прием позволяет Гаррету подчеркнуть преимущество поколений и показать актуальность романсов, их вневременность.

Что касается шпаги, упоминаемой во второй части названия, то это многогранный образ, чье значение раскрывается на протяжении всего произведения, однако кульминационным становится эпизод, где почти все главные персонажи поочередно говорят о том, что она для них символизирует: «Nun' Álvares: Foi a espada de meu pai: a justiça era por ela. // Alfageme: Um raio de glória! // Alda: Um símbolo de honra! // Alfageme: A defesa de Portugal! // Froilão: A vitória de Cristo!» («Нуну Алвареш: Это была шпага моего отца, за ней была справедливость. // Оружейник: Луч славы! // Алда: Символ чести! // Оружейник: Защита Португалии! // Фройлан: Победа Христова!»)¹⁴.

Таким, образом, шпага – это символ справедливости, славы и чести. Она служит защите Португалии, имеет сакральное значение. С ее помощью в конце пьесы португальцы изгоняют испанцев из своей страны.

Итак, в «Сантаренском оружейнике» Гаррет делает еще одну попытку мифологизации родной страны и ее народа: он выбирает в качестве протагонистов пьесы шпагу национального португальского героя, в дальнейшем канонизированного католической Церковью под именем святого Нуну, и простого оружейника, по своим человеческим качествам превосходящего тех, кто стоит выше него по социальному положению¹⁵.

В проанализированных произведениях Ж.-Б. Алмейда Гаррет размышляет о португальской нации и стремится отстоять ее автономию в литературе, для чего призывает современников обратиться к фольклору и национальным легендам, где можно найти не только литературные образцы, но и достойные подражания модели поведения. Последнее становится особенно актуальным в эпоху

наполеоновского вторжения, когда политическая независимость страны ставится под угрозу. Отсюда – антифранцузские настроения писателя, а также его грустные размышления о судьбе страны и забвении ее прошлого современниками, занятыми лишь собственным обогащением. Тем не менее, изображая кризисные моменты Португалии, описывая ее былое величие, писатель верит в то, что национальная идентичность не потеряна, что ее можно воссоздать благодаря народу, который является носителем исторической и культурной памяти нации.

Примечания

- ¹ *Огнева Е.* Испанский и португальский романтизм как материал для спецкурсов // Иберо-романистика в современном мире : научная парадигма и актуальные задачи : тез. конф. Москва, 20–21 ноября 2008 г. М., 2008. С. 84.
- ² *Manuel Machado A.* As origens do Romantismo em Portugal. Lisboa, 1979. P. 91.
- ³ *Manuel Machado A.* As invasões francesas e pré-romantismo português : francofobia e anglomania // *Carnets*, número spécial automne-hiver 2011–2012. URL: <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/11852.pdf> (дата обращения: 30.10.2014).
- ⁴ *Almeida Garrett J.* Viagens na minha terra. Porto, 1982. P. 27.
- ⁵ *Almeida Garrett J.* Romanceiro : in 3 vol. Lisboa, 1983. Vol. 1. P. 39–40.
- ⁶ *Almeida Garrett J.* Viagens na minha terra. P. 33–34.
- ⁷ *Ibid.* P. 158.
- ⁸ *Ibid.* P. 204.
- ⁹ *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1996. С. 326.
- ¹⁰ *Almeida Garrett J.* Viagens na minha terra. P. 207.
- ¹¹ *Barbas H.* Almeida Garrett : O trovador moderno. Lisboa, 1994. P. 128.
- ¹² *Almeida Garrett J.* O Alfageme de Santarém. Porto, 1966. P. 16.
- ¹³ *Ibid.* P. 12.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 109–110.
- ¹⁵ Дворянские семьи во время нашествия испанцев переходят на сторону врага, а Фернан Ваз остается верен Португалии и Магистру Ависского ордена.

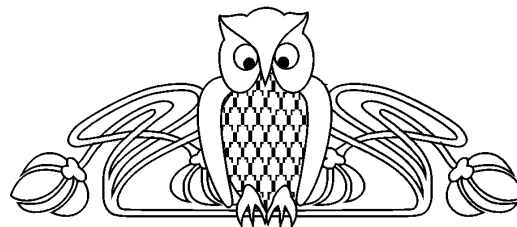
УДК 821.161.1.09+929Салтыков-Щедрин

К ВОПРОСУ О ТВЕРСКОМ ОКРУЖЕНИИ М. Е. САЛТЫКОВА: НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА РЖЕВСКАЯ

Е. Н. Строганова

Государственная академия славянской культуры, Тверь
E-mail: enstraganova@yandex.ru

В статье актуализируется вопрос о необходимости внимания к лицам, составлявшим круг общения М. Е. Салтыкова в губернские периоды его жизни. К ним принадлежала тверская, впо-

следствии рязанская приятельница писателя Н. С. Ржевская, талантливая певица и композитор, с которой его связывали доверительные отношения.

Ключевые слова: частная жизнь, круг общения, доверительные отношения, женщина-композитор, независимость взглядов.

**To the Issue of M. E. Saltykov's Circle in Tver:
Natalya Sergeevna Rzhhevskaya**

E. N. Stroganova

The article raises the question of whether the people from M. E. Saltykov's circle in his provincial periods of life should be noticed. N. S. Rzhhevskaya, a talented singer and composer, a friend of Saltykov in his Tver and later Ryazan periods, was one of them; her relationships with the writer were based on trust.

Key words: private life, social circle, relationship of trust, woman-composer, independent views.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-73-77

«Лучшую пору моей жизни я размыкал по губерньским городам...» – писал М. Е. Салтыков¹. Почти 20 лет его служебная деятельность была связана с Вяткой, Рязанью, Тверью, Тулой, Пензой, Рязанью. Однако документальные материалы, относящиеся к этим периодам, касаются в основном чиновничьей службы, сохранилось очень мало информации, имеющей отношение к частной жизни писателя. Круг его общения восстановлен лишь в общих чертах, и забыты многие из тех, с кем дружески общался Салтыков в губернские периоды. К их числу принадлежала и Наталья Сергеевна Ржевская, о которой было известно лишь то, что именно к ней обратился он за помощью в декабре 1861 г., не имея достаточно средств на покупку подмосковного имения Витенево. Но уже это обстоятельство, свидетельствующее о доверительном характере отношений, побуждает более внимательно отнестись к ее личности.

Наталья Сергеевна родилась в семье Сергея Павловича Фонвизина и Варвары Александровны, урожденной Давыдовой. Она была внучатой племянницей драматурга Д. И. Фонвизина и племянницей декабриста М. А. Фонвизина. Ее отец пользовался большим авторитетом в обществе, на протяжении 33 лет он был предводителем дворянства Клинского уезда и многие годы, вплоть до конца жизни, возглавлял московскую масонскую ложу Ищущих манны. Родилась Н. С. Фонвизина 22 февраля, но данные о годе рождения разнятся: в одних источниках значится 1826 г., в других – 1831 г.²

О детстве и юности нашей героини сведения отсутствуют, но надо полагать, что она получила традиционное для знатной дворянской девушки воспитание. По словам мемуаристки, Наталья Фонвизина имела репутацию «la belle Natalie» и «славилась своим чудесным голосом». Согласно семейной легенде, ей даже предлагали поступить на оперную сцену, и хотя для высокородной барышни в те времена такая карьера исключалась, но однажды ей якобы выпала возможность, прибегнув к псевдониму, заменить заболевшую примадонну³.

В 1849 г. Фонвизина вышла замуж за Дмитрия Семеновича Ржевского (1817–1868), небогатого рязанского дворянина, служившего в Коллегии иностранных дел. Вероятно, в связи с женитьбой

он переехал в Москву, где поступил на службу цензором в Министерство народного просвещения. Дом Ржевских был хорошо известен в Москве как один из культурных центров. Его посещали писатели, музыканты, общественные деятели. Постоянными гостями были Н. Ф. Щербина, Н. В. Берг, М. П. Погодин, однажды Ржевские даже принимали у себя Н. В. Гоголя. Атмосферу жизни определяла хозяйка, которая славилась как замечательная певица и композитор, современникам было известно, что она писала «прекрасные музыкальные вещи»⁴.

В наши дни композиторская деятельность женщин – признанное явление, но в XIX в. дело обстояло иначе, в истории музыки имена русских женщин-композиторов почти неизвестны. Хотя женщин, занимавшихся литературой, живописью, музыкой, было немало, но до второй половины XIX в. их известность не выходила за рамки домашнего круга, упражнений для собственного удовольствия. И в литературе, и в музыке сочинительницы первоначально заявили о себе преимущественно в сфере лирической – в поэзии и романсной музыке. Романсное творчество Ржевской в свое время получило определенную известность, но никогда не становилось предметом исследования, и автор единственной современной статьи о русских женщинах-композиторах ее имени не упоминает⁵.

Общее число романсов Ржевской неизвестно, но до нас дошли нотные публикации 17 ее произведений на стихи А. В. Кольцова («Моя юность цвела»), И. С. Никитина («Песня бобыля»), Н. А. Некрасова («Прости») и других поэтов. Ее романсы издавались и переиздавались в 1860–1880-х гг., а некоторые и в XX в. Известны также музыкальные записи, по крайней мере, трех романсов, относящиеся к первой половине XX в. Судя по числу переизданий, наибольшей популярностью пользовались три романса Ржевской: «Что ты, сердце, приуныло», «Не скажу я тебе...» и «Поймешь ли ты...». Последний был особенно известен, в начале XX в. он входил в репертуар А. Вальцевой, но ошибочно датировался 1906 г., а его автором считался гитарист Д. Сартинский-Бей. О популярности романса свидетельствует и его использование в текстах А. П. Чехова⁶. Романс этот, видимо, нравился писателю. Современница вспоминала, что братья Чеховы – Антон, Николай и Михаил – «дома и вообще при всяком удобном случае» исполняли этот романс: Николай аккомпанировал, а двое других пели дуэтом⁷.

Ржевская славилась не только своей музыкальностью. По словам мемуаристки, она была известна в Москве «своим умом» и «подчас не останавливалась перед довольно рискованным острым словом». Как-то раз она спросила своего собеседника: «Какая разница между жандармом и беременной женщиной?» И рассмеявшись на его недоумение, ответила каламбуром: «Беременная женщина, при известных условиях, может “не

доносить”, а жандарм непременно “донесет”». Эта шутка, доведенная до начальника московской жандармерии, стала «причиной неприятностей» для ее мужа⁸. В 1854 г. Ржевские были вынуждены покинуть Москву, но причиной стали не остроты Натальи Сергеевны, а служебные промахи Дмитрия Семеновича. Должность цензора предполагала высокую степень личной ответственности, поэтому стремление некоторых из них обезопасить себя порой доходило до абсурда. Однако «служебное поведение московских цензоров», по словам исследователя, отличалось нестандартностью, и некоторые из них «ради поддержки литературы» были готовы «рисковать своим <...> служебным положением»⁹. Именно таким цензором был Ржевский. Известно немало фактов, свидетельствующих, что он постоянно удостоивался нареканий со стороны начальства, и один из служебных «проступков» стал причиной его перемещения в Тверь на должность директора гимназии, а позже и директора народных училищ Тверской губернии¹⁰.

Мы не можем составить сколько-нибудь полного представления о жизни Ржевских в Твери, но, видимо, здесь, как и в Москве, их дом стал одним из центров общественно-культурной жизни. Его посещали представители либеральной оппозиции, учителя тверской гимназии, губернские тузы, столичные литераторы. Постоянным гостем был тверской губернский предводитель дворянства А. М. Унковский, близкий друг Салтыкова. Унковский известен был в Твери и за ее пределами как последовательный сторонник освобождения крестьян с предоставлением им земли. Он разработал проект учреждения акционерного банка для выкупа крестьянских наделов и позже вспоминал, что этот проект неоднократно обсуждался в доме Ржевских. О самих супругах Унковский писал: «Это был симпатичный, хорошо образованный человек; да и жена его была ему под пару»¹¹.

О пркрестьянских настроениях Ржевской свидетельствует ее поведение как помещицы. Ей принадлежали земли в Бежецком уезде Тверской губернии. В 1858 г. была составлена опись имения, из которой можно понять, что крестьяне находились в относительно хороших условиях, они были освобождены от барщины и платили средний оброк. После реформы земельный вопрос в своих тверских владениях Ржевская, в отличие от многих других помещиков, решила очень оперативно, уже в августе 1861 г. полюбовно уладив с крестьянами все вопросы¹².

Известно об участии Ржевской в судьбе будущего деятеля педагогики А. Г. Баранова. Мать Баранова была кормилицей Натальи Сергеевны, которая благоволила к ее детям. Алексей жил у Ржевских в Москве и вместе с ними переехал в Тверь. Здесь Ржевская решила определить способного мальчика в гимназию, но серьезным препятствием было его крепостное положение. В 1859 г. она дала вольную Баранову, тем самым

определив его дальнейшую судьбу: он окончил с золотой медалью гимназию, затем Московский университет, в 1875–1885 гг. был директором Новоторжской мужской учительской семинарии и впоследствии дослужился до чина тайного советника¹³.

Знакомство Салтыкова с Ржевскими, вероятнее всего, произошло во второй половине 1850-х гг. В 1856 г., после окончания Крымской войны, он был командирован в Тверь для знакомства с деятельностью губернского комитета ополчения. В результате этой проверки стали очевидны многочисленные нарушения и серьезные злоупотребления со стороны высших чинов губернии¹⁴. Позже – в 1858 и 1859 гг. – Салтыков приезжал в Тверь по семейным делам, но наиболее тесным общением могло быть в 1860 г., когда писатель занимал пост тверского вице-губернатора, а затем в Рязани, где жили Ржевские и где Салтыков вторично очутился в 1867–1868 гг.

С Тверью оказалась связана драматическая семейная коллизия в жизни Ржевских. Мемуары Надежды Петровны Ржевской (в замужестве Волконской), племянницы Ржевского, сохранили эту историю, которая дает представление о характерах супругов и их взаимоотношениях. В этих мемуарах немало хронологической путаницы, но фактическую сторону они освещают в целом достоверно. По словам племянницы, Наталья Сергеевна полюбила Унковского. Когда он подвергся опале и был отправлен в вятскую ссылку, она призналась мужу в своих чувствах и объявила, что поедет с Унковским. Ржевский ответил, что «это несчастье для него, но насильно мил не будешь, держать ее против воли он не желает, и если она видит свое счастье с Унковским, то пусть едет»¹⁵. Правдивость этой истории подтверждается документально. В феврале 1860 г. Унковский уехал из Твери, и в начале того же года Ржевский подал рапорт об отставке. 2 апреля он сдал дела и возвратился в Рязанскую губернию.

Но если Наталья Сергеевна действительно осуществила свое намерение и уехала с Унковским, то совместная жизнь у них явно не сложилась. Через 7 месяцев Унковский был возвращен из Вятки и, вероятно, тогда же Ржевская вернулась к мужу, который поселился в родовом имении Власьево как раз в период проведения крестьянской реформы. Он был выбран мировым посредником и последовательно отстаивал интересы крестьян. Известно, что Ржевский выступил против богатого рязанского помещика и высокопоставленного чиновника графа Д. А. Толстого. В судебном разбирательстве интересы крестьян в качестве частного поверенного представлял Унковский, из чего можно заключить, что их отношения с Ржевским оставались дружескими. Эта коллизия любовного треугольника, в целом типичная для 1860-х гг., показывает, что все ее участники в очень непростой житейской ситуации оказались на высоте положения.

О том, что Ржевская в 1860-е гг. жила в Рязанской губернии, свидетельствуют материалы, связанные с Салтыковым, который, служа в Рязани, все еще не выплатил ей своего долга полностью. Об этом он писал Унковскому 20 декабря 1867 г. с просьбой содействовать в получении ссуды от Некрасова: «1-го февраля срок для уплаты денег Нат<алье> Серг<еевне>, и мне ужас как хотелось бы покончить с этим делом, потому что она, кажется, начинает уже беспокоиться»¹⁶. Ходатайство Унковского имело успех, и Салтыков сумел вернуть долг в установленный срок. Выяснение подробностей жизни Ржевских помогает внести коррективы в летопись жизни Салтыкова, в данном случае уточнить, что долг он, скорее всего, отдал в Рязани, а не в Твери, как считалось ранее¹⁷.

В 1868 г. умер Дмитрий Семенович, и его вдова попала в сложное финансовое положение. При жизни мужа она тратила свои деньги на его имение, и «в конце концов, все имущество оказалось мужнино и детское, а ее ничего». Племянница Ржевского вспоминала о безобразном поведении своего отца, который после смерти брата, под предлогом бывших отношений Натальи Сергеевны с Унковским, обвинил ее в безнравственности и сумел добиться опеки над имением, ей же выдавал «гроши»¹⁸. Но очень скоро участь Ржевской переменилась: в 1869 г. умерла Наталья Дмитриевна Пущина, в первом браке Фонвизина, и племянница унаследовала ее имение.

Дальнейшая судьба Натальи Сергеевны снова возвращает нас в Тверь. После смерти Ржевского, видимо, в начале 1870-х гг., она вышла замуж вторично – за Михаила Николаевича Гумилина (род. ок. 1843). В 1850-х гг., в период директорства Ржевского, Гумилин учился в тверской гимназии. По словам будущего земского деятеля и публициста В. Н. Линда, он обладал «блестящими способностями» и, не окончив гимназии, уже после 6-го класса, успешно сдал экзамены в Московский университет. В университете Гумилин отличался свободомыслием и в кругу студентов занимал «выдающееся место»¹⁹. За участие в студенческих волнениях 1861 г. был отдан на 2 года под полицейский надзор²⁰. При каких обстоятельствах произошла его новая встреча с Ржевской, неизвестно, как неизвестно и о других событиях последнего периода ее жизни. С уверенностью можно сказать лишь, что в 1870-х гг. она продолжала свои музыкальные занятия и некоторые романсы издавала под именем Ржевская (Гумилина). Наталья Сергеевна скончалась в 1886 г. и была похоронена в Рязанском кремле на кладбище Спасо-Преображенского монастыря. Ни могилы, ни надгробия не сохранилось.

У Ржевских было пятеро детей: сын Сергей (1851–1914) и дочери Мария (род. 5 апреля 1852), Александра (род. 25 апреля 1853), Евдокия (род. 1 января 1855) и Вера (род. 2 мая 1856)²¹. С. Д. Ржевский впоследствии занимал пост Тамбовского (1899–1902) и Рязанского (1904–1905)

губернатора²². В потомстве Ржевских имя Наталья стало родовым. Так нарекли их внучку – Наталью Сергеевну, в замужестве Рязанцеву, а впоследствии и праправнучку – Наталью Борисовну Рязанцеву, сценариста фильмов «Крылья», «Чужие письма», «Открытая книга» и мн. др. По словам рязанского историка А. О. Никитина, сегодняшние потомки Ржевских узнали о родстве с Фонвизинными и о своих прародителях Дмитриии Семеновиче и Наталье Сергеевне только из его работ, и в семейном архиве никаких материалов о них не сохранилось²³.

Исследование биографии Н. С. Ржевской позволяет говорить о ней как о женщине, чьи ум, благородство, независимый образ мыслей и музыкальный талант привлекали современников, одним из которых был Салтыков, питавший к ней дружеское расположение. Внимание к фигурам малоизвестных или забытых современников, входивших в круг общения писателя (как и любого другого заметного деятеля), не только обогащает представления о его личности и уточняет биографические сведения, но и корректирует наши знания о культуре и быте эпохи. В частности, обращение к личности Н. С. Ржевской дает материалы для изучения истории русской музыки и актуализирует вопрос о роли женщин-композиторов в культурном контексте эпохи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00389).

Примечания

- 1 Салтыков-Щедрин М. Собр. соч. : в 20 т. М., 1973. Т. 15. Кн. 2. С. 283.
- 2 См.: Любарский К. Рязанский некрополь. Ч. 1. Спасский мужской монастырь. Рязань, 1914. С. 13. URL: <http://www.russianfamily.ru/f/fonvizin.html> (дата обращения: 10.04.2015).
- 3 Ржевская Н. Личные воспоминания и все слышанное. Тула, 2010. С. 75, 21.
- 4 Соколова А. Встречи и знакомства // Исторический вестн. 1911. Т. 123. Январь. С. 106–113.
- 5 См.: Иванова С. Русские женщины-композиторы XIX века // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 563–566.
- 6 См.: Яницкая С. Романсные цитаты и реминисценции в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад» // Вестн. БДУ. Сер. 4. Филология, журналистика, педагогика. 2011. № 1. С. 15–16.
- 7 Цит. по: Балабанович Е. Чехов и Чайковский. М., 1978. С. 25.
- 8 Соколова А. Указ. соч. С. 104.
- 9 Ботова О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века (Формирование. Состав. Деятельность) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 28.
- 10 См.: Строганова Е. Московский цензор Д. С. Ржевский : Штрихи к портрету // Культура и текст : науч. электр. журнал. 2014. № 1 (16). С. 101–118.

- ¹¹ Записки Алексея Михайловича Унковского / публ. В. Чернышова // Тверская старина. 1992. № 1. С. 27.
- ¹² Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 484. Оп. 1. Д. 2770. Л. 13–17.
- ¹³ См.: Кулевская (Радомская) А. От дворового мальчика до тайного советника // Московский журнал. 2014. № 8. С. 20–29.
- ¹⁴ См.: Арсеньев К. Материалы для биографии М. Е. Салтыкова // Полн. собр. соч. М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина) : в 12 т. 4-е изд. СПб., 1900. Т. 1. С. 58–59.
- ¹⁵ Ржевская Н. Указ. соч. С. 75.

- ¹⁶ Салтыков-Щурин М. Указ. соч. Т. 18. Кн. 1. С. 325.
- ¹⁷ Там же. Т. 18. Кн. 2. С. 335.
- ¹⁸ Ржевская Н. Указ. соч. С. 104.
- ¹⁹ Линд В. Воспоминания о моей жизни // Русская мысль. 1911. № 7. С. 124.
- ²⁰ См.: Деятели революционного движения в России : библиограф. словарь. М., 1928. Т. 1. Ч. 2. Стб. 94.
- ²¹ ГАТО. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 3500. Л. 4.
- ²² См.: Никитин А. Две жизни С. Д. Ржевского // Рязанская старина. 2006–2008. Рязань, 2013. С. 144–268.
- ²³ Сообщено автору статьи в письме от 4 февраля 2015 г.

УДК 821.161.1.09–32+929[Толстой+Чехов+Тургенев]

ЛЕВ ТОЛСТОЙ: ВОЛЕВОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ

С. Я. Долинина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: kafedra_rio@mail.ru

В статье проведен анализ правки Л. Толстым чеховского рассказа «Душечка» и тургеневского «Живые мощи» как пример волевого редактирования. Рассматриваются его мотивы и способы, к которым прибегает редактор в ходе волевых исправлений.

Ключевые слова: авторская позиция, идейный мир произведения, нарушение воли автора, редакторская интерпретация произведения, редакторские исправления.

L. Tolstoy: Unsanctioned Editing

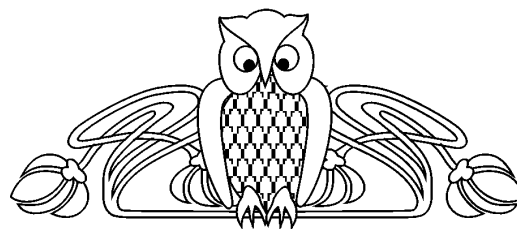
S. Ya. Dolinina

The author analyzes L. Tolstoy's editing short stories «The Darling» by A. Chekhov and «The Living Relic» by I. Turgenev as an example of unsanctioned editing. Motives and methods of the editor's unapproved changes are considered.

Key words: author's position, ideological world of a literary work, infringement of the author's will, editor's interpretation of a literary work, editorial improvements.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-3-77-82

Открыв базовые учебники по литературному редактированию, можно прочесть о том, что важнейшим требованием редакционной этики является «совместная работа над текстом, согласование с автором всех редакторских изменений текста. <...> редактор полностью ответствен за сохранение воли автора»¹. Как пример нарушения этого предписания рассматривается понятие «волевое редактирование», т. е. «изменение текста без учета воли автора: изменение смысла, немотивированные изменения структурных и стилистических качеств текста. В условиях советской действительности на редактора возлагался контроль за идейной «правильностью» публикаций, своеобразии авторских решений не учитывалось и работе над литературной формой произведения отводилась служебная роль при

выполнении «социального заказа» в ходе политического редактирования»².

Это определение, размещенное в «Справочнике по литературному редактированию...», написано в жанре словарной статьи, очень кратко, и не может отражать всей сложности характериз�уемого понятия. В то же время и в книге А. Э. Мильчина «Методика редактирования текста», в которой автор не был ограничен объемом и в которой, кстати говоря, отведено достаточно места редакторскому опыту писателей XIX в., все примеры явления, которое можно квалифицировать как волевое редактирование, взяты из советской действительности³. Спора нет, в эту эпоху оно приобрело особые масштаб и характер. И тем не менее, апеллируя лишь к политической конъюнктуре советской эпохи, не упрощаем ли мы невольно анализируемое понятие хотя бы в том, что придаем ему локальное историческое содержание? Попробуем показать, что волевое редактирование не было спецификой лишь советского периода, обратившись к редакторскому опыту Льва Толстого.

В громадном литературном наследии Толстого его редакторские штудии – это почти сто правок⁴. Тринадцать, вошедших в указанный сборник, были прокомментированы публикаторами, проделавшими значительную, скрупулезную работу по описанию каждого исправления, выполненного Толстым. С общей идеей комментариев, которую можно было бы сформулировать так: «У Толстого-редактора есть чему поучиться и сегодня» (не случайно вступительная статья в сборнике так и называется «Уроки Толстого-редактора») – спорить не приходится. А бросается в глаза и требует оценки следующая закономерность. Автор общей вступительной статьи (Э. Е. Зайденшур) была вынуждена отметить, что правку Толстого «разумеется <...> нельзя рассматривать как ре-